

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ
ДЕДУКЦИЯ КАТЕГОРИЙ
КАК ФИЛОСОФСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Э. Фикара¹

Моя цель – реконструировать основные шаги и фундаментальную идею трансцендентальной дедукции категорий Канта, а также интерпретацию и переосмысление этой кантовской идеи Гегелем. Гегелевское прочтение крайне важно по двум причинам: во-первых, для закрепления основной формы кантовского аргумента и, во-вторых, для понимания его метафилософской значимости. Для Гегеля философское доказательство имеет специфическую природу, отличающую его от научного доказательства и сближающую с юридическим. В этой перспективе трансцендентальная дедукция, которую принято считать одной из самых трудных глав в истории философии, раскрывается именно как разъяснение специфически философского доказательства. Сначала я излагаю идею трансцендентальной дедукции Канта в «Критике чистого разума», ее гегелевское прочтение в «Науке логики» и переформулировку в качестве собственно метода философии в «Философии права». Я показываю, что в кантовской аргументации послужило основой для гегелевской интерпретации и трансформации. При этом я выявляю «красную нить», соединяющую две идеи трансцендентальной дедукции. В заключение я предлагаю формальное изложение идей Канта и Гегеля и резюмирую основные метафилософские выводы, которые мы можем сделать из идеи Канта и ее гегелевской интерпретации.

Ключевые слова: философское доказательство, метафилософия, Кант, Гегель, трансцендентальная дедукция

¹ Падерборнский университет, Германия, 33098, Падерборн, Варбургерштрассе, д. 100. Поступила в редакцию: 07.11.2022 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-3-4

THE TRANSCENDENTAL
DEDUCTION OF CATEGORIES
AS PHILOSOPHICAL PROOF

E. Ficara¹

My aim is to reconstruct the basic steps and the fundamental idea of Kant's transcendental deduction of categories as well as Hegel's interpretation and reframing of Kant's idea. Hegel's reading is crucial for two reasons: first, for fixing the basic form of the Kantian argument and secondly, for understanding its metaphilosophical relevance. For Hegel, philosophical proof has a specific nature, which distinguishes it from scientific proof and brings it closer to a juridical one. In this perspective the transcendental deduction, which is universally considered one of the most difficult chapters in the history of philosophy, reveals itself as the genuine clarification of specifically philosophical proof. I first present the idea of Kant's transcendental deduction in the Critique of Pure Reason as well as its Hegelian reading in the Science of Logic and reformulation as the very method of philosophy in the Philosophy of Right. I show what in the Kantian argumentation constituted the basis for Hegel's own interpretation and transformation. In so doing, I highlight a 'red thread' between the two ideas of the transcendental deduction. I conclude by proposing a formal account of Kant's and Hegel's ideas and by summing up the main metaphilosophical insights we can gain from Kant's idea and its Hegelian interpretation.

Keywords: philosophical proof, metaphilosophy, Kant, Hegel, transcendental deduction

¹ Paderborn University, Warburger Str. 100, Paderborn, 33098, Germany. Received: 07.11.2022.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-3-4

Введение

Вопрос о природе, масштабе, целях и форме трансцендентальной дедукции активно обсуждается в истории философии начиная с публикации первого издания «Критики чистого разума» и до сих пор является предметом споров среди интерпретаторов². Настоящая статья раскрывает эту проблему с двух сторон. Во-первых, поднимается вопрос об общей форме дедукции, то есть об определении того, какое рассуждение складывается в трансцендентальной дедукции и когда мы такое рассуждение практикуем. Во-вторых, через обращение к идее Канта о трансцендентальной дедукции категорий представлено собственное прочтение Гегелем этой кантовской идеи. Прочтение Гегеля позволяет нам отделить вопрос о дедукции от той технической установки, в которой его представляет Кант, и выделить ее универсальную функцию и общую форму. Статья состоит из трех частей: в первой я резюмирую кантовскую идею трансцендентальной дедукции, во второй представляю интерпретацию и использование этой идеи Гегелем, в последней перехожу к элементарным вопросам о форме и содержании дедукции.

1. Идея кантовской дедукции

Во второй главе первой книги «Трансцендентальная аналитика» Кант напоминает о юридическом различии между вопросом о праве (*quid juris*) и вопросом о факте (*quid facti*) (B 117; Кант, 2006, с. 185). Доказательство первого, то есть установление легитимности права,

² Среди классических работ см.: (Erdmann, 1878; De Vleeschauwer, 1934–1937; Chiodi, 1961; Henrich, 1976; Baum, 1986), а из недавних см.: (Kitcher, 2011; Allais, 2013; Allison, 2015; Laywine, 2020; Moeller, 2020; Westphal, 2021). Приведение полного списка монументальных работ по трансцендентальной дедукции категорий с аналитической точки зрения за последние 50 лет, начиная со Стросона и заканчивая дискуссиями о трансцендентальных аргументах, вышло бы за рамки статьи.

Introduction

The question about the nature, scope, aims and form of the transcendental deduction has been dealt with intensively in the history of philosophy, starting from the publication of the *Critique of Pure Reason's* first edition, and is still the topic of debate among interpreters.² The specificity of the present paper is, in this respect, twofold. First, the paper is interested in the question about the general form of the deduction, i.e. in assessing what kind of reasoning is enfolded in the transcendental deduction, and when we practice such kind of reasoning. Second, in addressing Kant's idea of a transcendental deduction of categories, the paper also encompasses Hegel's own reading of Kant's idea. Hegel's reading allows us to detach the question of the deduction from the technical setting in which Kant presents it, and to highlight its universal function and general form. The paper has three parts: in the first I summarise Kant's idea of the transcendental deduction, in the second I present Hegel's interpretation and use of this idea. In the last I turn to the elementary questions about the deduction's form and content.

1. The Idea of Kant's Deduction

In the second chapter of the First Book of the "Transcendental Analytic" Kant recalls the juridical distinction between the question of right (*quid juris*) and the question of fact (*quid facti*) (*KrV*, A 85 / B 117; Kant, 1998, pp. 219-220).

² See among the classical works Erdmann (1878), De Vleeschauwer (1934-1937), Chiodi (1961), Henrich (1976), Baum (1986) and, among the recent ones, Kitcher (2011), Allais (2013), Allison (2015), Laywine (2020), Moeller (2020), Westphal (2021). Giving a complete list of the monumental works on the transcendental deduction of categories from the analytical perspective in the past 50 years, starting with Strawson and through to the discussions on transcendental arguments, would exceed the scope of the paper.

называется дедукцией³. Общая идея дедукции Канта восходит именно к этой юридической терминологии. В частности, задача дедукции состоит в том, чтобы установить законность права категорий априорно применяться к объектам, данным в опыте. Для этого требуется прежде всего ответить на вопрос «Что такое категории?».

Кант объясняет, что существуют различные виды понятий — он называет их «эмпирическими понятиями», «узурпированными понятиями» и «чистыми априорными понятиями». Когда нас просят объяснить значение эмпирического понятия — скажем, «желтого», — у нас нет никаких затруднений. Это подручный опыт, и мы можем легко сослаться на него, чтобы прояснить значение и наше использование понятия. «Узурпированные» понятия — это, например, «фортуна» или «судьба». Мы часто используем их и, кажется, знаем, что они означают. Однако мы сталкиваемся с трудностями, когда нас просят дать им определение или объяснить, каким образом мы их используем. В этом случае мы встаем перед вопросом «*quid juris?*», но на него трудно ответить, «так как эмпирические доказательства правомерности такого употребления недостаточны...» (В 117; Кант, 2006, с. 185). Наконец, у нас есть чистые и априорные понятия, то есть категории. Кант говорит, что они «совершенно независимы от опыта» и что, однако, «необходимо знать, каким образом эти понятия могут относиться к объектам» (В 117; Кант, 2006, с. 185–187).

Интересно, что категории должны быть полностью независимы от опыта и вместе с тем должны быть к нему применимы. Как такое может быть? Трансцендентальная дедукция категорий призвана ответить именно на этот вопрос.

Трансцендентальное знание, как объясняет Кант в пунктах В 26 (Кант, 2006, с. 79–80) и В 80 (Там же, с. 143), чисто и априорно (независимо от опыта) и делает опыт возможным. То есть

³ Блестящую реконструкцию юридической основы трансцендентальной дедукции см.: (Moeller, 2020, p. 52–66 (гл. 3)).

The proof of the former, i.e. the establishment of a right's legitimacy, is called deduction.³ Kant's general idea of *deduction* is to be traced back precisely to this juridical terminology. More specifically, the deduction's task is to establish the legitimacy of the categories' right to apply *a priori* to objects given in experience. This demands, first of all, an answer to the question: 'What are categories?'

Kant explains that there are various kinds of concepts: what he calls 'empirical concepts', 'usurped concepts', and 'pure *a priori* concepts'. When we are asked to explain the meaning of an empirical concept, say 'yellow', we do not have any difficulty: experience is at hand, and we can easily refer to it in order to make the meaning and our use of the concept clear. 'Usurped' concepts are, for example, 'fortune' or 'fate'. We often use them and seem to know what they mean. However, we face difficulties when we are asked to define them or to explain on what grounds we use them. In these cases, we are challenged by the question '*quid juris?*', but it is difficult to answer it "because one can adduce no clear legal ground for an entitlement to their use either from experience or from reason" (*KrV* A 85 / B 117; Kant, 1998, p. 220). Finally, we have pure and *a priori* concepts, the categories. Kant says that they are "completely independent from experience" and that, however, "one must know how these concepts can be related to objects" (*ibid.*).

Interestingly, the categories are said to be completely independent of experience — and at the same time to apply to experience. How can this be? The *transcendental* deduction of categories is meant to answer precisely this question.

Transcendental knowledge — as Kant explains in A 12 / B 26 and A 56 / B 80 — is pure and *a priori* (independent of experience)

³ For a brilliant reconstruction of the juridical background of the transcendental deduction see Moeller (2020, pp. 52-66 (ch. 3)).

трансцендентальная перспектива не является полностью опытно-трансцендентной, она скорее трансцендирует (выходит за) опыт «в сторону» опыта, то есть трансцендирует его для того, чтобы сделать опыт (объективное знание) возможным⁴. Ответ на вопрос «Каким образом априорные и чистые, то есть опытно-автономные, структуры могут применяться к опыту?» может быть дан в свете той же природы категорий, что и трансцендентальные структуры. Они «независимы от» опыта и «применимы» к нему в той мере, в какой они делают возможным этот опыт (объективное знание). Соответственно, Кант определяет трансцендентальную дедукцию категорий как «объяснение того, каким образом понятия могут *a priori* относиться к предметам» (B 117; Кант, 2006, с. 187). Это объяснение раскрывается в отрывках от A 85 / B 118 до B 137 (я следую пагинации во втором издании «Критики чистого разума», которая отклоняется от пагинации A, начинаясь с B 129) и состоит в следующем.

Кант говорит прежде всего о природе понятий (а также чистых и априорных созерцаний) как форм, а о чувственных впечатлениях (*sinnliche Eindrücke*) — как о материи и случайной причине (*Gelegenheitsursache*) возникновения форм. Чистые созерцания и чистая мысль как формы, упорядочивающие материю, используются «*no случаю*» (*Gelegenheitsursache* — случайная (оказиональная) причина), который дает материя (то есть чувственные впечатления) и «производят понятия» (B 118; Кант, 2006, с. 187; курсив мой. — Э.Ф.). Здесь важен вопрос о генезисе понятий из опытной области. Другими словами, опыт — то, что дано в опыте и воздействует на наши чувства, — есть и мате-

⁴ Примечательно, что Кант использует «опыт» для обозначения как объективного знания, так и того, что нам дано, воздействия реальности на наши чувства. Это двойное значение важно, потому что оно позволяет нам понять специфическую круговую структуру, типичную для трансцендентальной дедукции, некое движение, которое лежит в самой сути гегелевской интерпретации трансцендентальной дедукции как подразумевающей диалектику между *Vorstellungen* и *Begriffe* (представлениями и понятиями). Я расскажу об этом в последней части статьи.

and makes experience possible. That is, a transcendental perspective is not fully experience-transcendent, it rather transcends (goes beyond) experience “in the direction of” experience, i.e. it transcends it in order to make experience (objective knowledge) possible.⁴ The answer to the question: ‘how can *a priori* and pure, i.e. experience-autonomous, structures apply to experience?’ can be given in the light of the same nature of categories as *transcendental* structures. They are “independent from” and “apply to” experience insofar as they make experience (objective knowledge) possible. Kant defines the transcendental deduction of categories accordingly, as “explanation of the way in which concepts can relate to objects *a priori*” (*KrV*, A 85 / B 117; Kant, 1998, p. 220). This explanation is deployed in the passages from A 85 / B 118 to B 137 (I am following the deduction in the second edition of the *KrV*, which deviates from the A deduction beginning at B 129) and runs as follows.

Kant refers first to the nature of concepts (and of pure and *a priori* intuitions) as *forms* and to the impressions of sense (*sinnliche Eindrücke*) as *matter* and as *the occasional cause* (*Gelegenheitsursache*) of the emergence of forms: Pure intuitions and pure thought as *forms* that order matter are called into use “*on the occasion*” (*Gelegenheitsursache* — the occasional cause) *given by matter* (i.e. the sensible impressions) and “bring forth concepts” (*KrV*, A 86 / B 118; Kant, 1998, p. 221; my emphasis — E.F.). The important point here is the question about the *genesis* of concepts from the experiential field. In other words: experience — what is given in experience and affects our senses — is both the matter

⁴ Notably, Kant uses ‘experience’ to refer to both, objective knowledge and what is given to us, reality’s affection on our senses. This double meaning is important because it allows us to understand the specific circular structure typical of the transcendental deduction, a movement which is at the very core of Hegel’s account of the transcendental deduction as implying a dialectic between *Vorstellungen* and *Begriffe* (representations and concepts). I will address this in the last part of the paper.

рия, которая должна быть оформлена и упорядочена категориями, и причина зарождения и употребления категорий. Объективное знание возникает из взаимодействия между материей и формой. Здесь категории определяются как формы объективного знания и, можно добавить, как формы истины⁵.

Как утверждает Кант в § 14, когда мы рассматриваем отношение между мыслью / представлением (*Vorstellung*) и объектом (*Gegenstand*), возникают две возможности: либо объект делает мысль возможной, либо сама мысль становится объектом. Так вводится понятие условия возможности. Нормативная составляющая идет рука об руку с представлением о категориях не только как о формах объективного знания, но и как об условиях его возможности. Вместе с этим раскрывается природа категорий не только как форм, но и как норм объективного знания.

Наше объективное (истинное) познание, утверждает Кант, содержит, помимо наших созерцаний, посредством которых объект дан, еще понятие (*Begriff*) (или мысль – *Gedanke*) об объекте, данном в опыте. Соответственно, необходимо, чтобы существовали понятия об объектах вообще как об условиях возможности каждой единицы опытного познания (В 126; Кант, 2006, с. 196–197). Это значит, что хотя опыт как чувственный опыт (материя) является случайной причиной (*Gelegenheitsursache*) возникновения категорий, категории – это то, что делает опыт (как объективное знание) возможным.

⁵ Факт того, что трансцендентальная дедукция является легитимацией понятия истины как *adaequatio*, – это открытие, которым мы обязаны Хильтшеру (Hiltsher, 1993). См. также из недавнего Бауэра (Bauer, 2021, S. 172–240 (гл. 5)). Я в значительной степени разделяю это понимание, учитывая, что объективное знание может быть выражено в терминах (своего рода корреспондентной) истины. О роли истины как соответствия в трансцендентальной логике см.: (Ficara, 2006, S. 70–74); по поводу гегелевского прочтения Канта см.: (Ficara, 2021, S. 61–63). Такой подход к трансцендентальной дедукции находит подтверждение в кантовском понятии эмпирической истины по отношению к трансцендентальной истине (В 185; Кант, 2006, с. 265), к которому я обращаюсь ниже, в разделе 2.1.

that is to be shaped and ordered by the categories, and the *cause* of the categories' birth and use. Objective knowledge emerges from the interplay between matter and form. Here categories are defined as forms of objective knowledge and, we could add, as forms of truth.⁵

As Kant argues in § 14, when we consider the relation between thought/representation (*Vorstellung*) and object (*Gegenstand*), there are two possibilities: either the object makes the thought possible or the thought the object. The notion of possibility condition is hereby introduced. A normative component goes hand in hand with the idea of categories not only as the forms of objective knowledge but also as its possibility conditions. With it, *the nature of categories not only as forms but also as norms of objective knowledge can be highlighted*.

Our objective (true) knowledge, Kant claims, contains, besides our intuitions through which the object is given, also a concept (*Begriff*) (or a thought, *Gedanke*) of an object given in experience. Accordingly, it is necessary that there are concepts of objects in general as possibility conditions of every item of experiential knowledge (*KrV*, A 93 / B 126; Kant, 1998, p. 224). This means that while experience as sensible experience (matter) is the occasional cause (*Gelegenheitsursache*) of the categories' genesis, the categories are what makes experience (as objective knowledge) possible.

Hence categories can be forms of objective knowledge because, first, *there is* objective

⁵ That the transcendental deduction is a legitimation of a notion of truth as *adaequatio* is an insight we owe to Hiltsher (1993). See also, more recently, Bauer (2021, pp. 172-240 (ch. 5)). In highlighting that objective knowledge can be spelled out in terms of (some sort of correspondentistic) truth, I substantially share this insight. For the role of truth as correspondence in transcendental logic see Ficara (2006, pp. 70-74) and, in relation to the Hegelian reading of Kant, Ficara (2021, pp. 61-63). This approach to the transcendental deduction finds confirmation in Kant's notion of empirical truth in relation to transcendental truth (*KrV*, A 146 / B 185; Kant, 1998, p. 276), to which I return in section 2.1. below.

Следовательно, категории могут быть формами объективного знания, потому что, во-первых, объективное знание (или объект, или также «опыт») существует и, во-вторых, категории являются условиями возможности этого объективного знания, мы могли бы сказать, нормами и критериями, без которых не было бы объективности. Это приводит к мысли о том, что категории необходимы.

В §14 Кант формулирует «принцип трансцендентальной дедукции», он пишет, что априорные понятия «следует признать условиями *a priori* возможности опыта... Понятия, служащие объективными основаниями возможности опыта, именно поэтому необходимы» (B 126; Кант, 2006, с. 197). Здесь Кант связывает понятие условий возможности с понятием необходимости. Он ясно дает понять, в каком смысле эти понятия необходимы: без такого рода понятий не было бы никакого опыта, никакого объективного знания. Поскольку опытное / объективное знание существует, то существуют и такие чистые априорные понятия. Кант выражает то, что мы могли бы назвать ограниченной необходимостью, которая типична для категорий или чистых априорных понятий⁶. Ее особенность состоит, как справедливо подчеркнул Мартин Пудер, «в том, что она не представлена позитивно, а скорее отрицается отрицательная частица “не”» (Puder, 1974, S. 43). В творчестве Канта есть много примеров такого рода ограниченной необходимости: «...он объясняет необходимость синтеза данного в созерцании многообразного, а без этого синтеза нельзя мыслить полное тождество самосознания» (B 135; Кант, 2006, с. 207); логика «содержит безусловно необходимые правила мышления, без которых невозможно никакое употребление рассудка...» (B 77; Кант, 2006, с. 139). Кант объясняет, как категории делают возможным объективное познание, ссылаясь на понятия а) единства многообразного, данного в опыте; б) синтеза как действия спонтанности мысли; в) единства сознания в синте-

⁶ Об ограниченной необходимости категорий см.: (Chiodi, 1961, p. 263).

knowledge (or the object or also ‘experience’) and, second, the categories are the possibility conditions of this objective knowledge, we could say the norms and criteria without which there would not be objectivity. This introduces the idea that categories are *necessary*.

In § 14 Kant formulates the “principle of the transcendental deduction”, namely that *a priori* concepts “must be recognized as *a priori* conditions of the possibility of experiences [...]. Concepts that supply the objective ground of the possibility of experience are necessary just for that reason” (*KrV*, A 94 / B 126; Kant, 1998, p. 225). Kant connects here the notion of possibility conditions with the notion of necessity. He makes the sense in which these concepts are necessary explicit: they are that without which there would not be any experience, any objective knowledge. Since there is experience/objective knowledge, there are such pure *a priori* concepts. Kant gives voice to what we could call a restricted kind of necessity, which is typical of categories or pure *a priori* concepts.⁶ Its peculiarity is, as Martin Puder (1974, p. 43) rightly stressed, “that it is not presented positively, but rather that the negative preposition ‘not’ is denied”. There are many examples of this restricted kind of necessity in Kant’s work: “[This] declares as necessary a synthesis of the manifold [...], without which that thoroughgoing identity of self-consciousness could not be thought” (*KrV*, B 135; Kant, 1998, p. 248); logic “contains the absolutely necessary rules of thinking, without which no use whatsoever of the understanding takes place” (*KrV*, A 53 / B 77; Kant, 1998, p. 194). Kant explains how categories make objective knowledge possible, referring to the concepts of a) the unity of the manifold given in experience; b) the synthesis as the operation of thought’s spontaneity; c) the unity of the consciousness in the synthesis of

⁶ On the categories’ restricted kind of necessity see Chiodi (1961, p. 263).

зе многообразного как условия этого синтеза и, следовательно, условия объективной значимости знания. В В 137 Кант формулирует свой аргумент следующим образом:

Объект есть то, в понятии чего объединено многообразное, охватываемое данным созерцанием. Но всякое объединение представлений требует единства сознания в синтезе их. Таким образом, единство сознания есть то, что составляет одно лишь отношение представлений к предмету, стало быть, их объективную значимость, следовательно превращение их в познания; на этом единстве, стало быть, основывается сама возможность рассудка (В 137; Кант, 2006, с. 209).

Единство сознания — это высшее возможное условие объективного познания. «Я мыслю», или апперцепция, или единство сознания, — это «то, на чем основывается возможность рассудка».

В целом, резюмируя основную идею Канта о трансцендентальной дедукции в В 116–137, я подчеркиваю следующие моменты: (1) юридический смысл трансцендентальной дедукции, который заключается в установлении легитимности права (более конкретно — в установлении права на категории для априорного применения к объектам опыта); (2) понятие категорий как форм объективного (истинного) знания; (3) понятие категорий как условий возможности объективного (истинного) познания; (4) понятие категорий как необходимых и, следовательно, особых нормативных значений, без которых не было бы никакого объективного (истинного) знания; наконец, (5) понятие категорий как функций «я мыслю», или единства сознания.

2. Идея гегелевской дедукции

2.1. Гегель о кантовской идее

В своей интерпретации трансцендентальной дедукции Канта в «Науке логики» Гегель обсуждает именно процитированный выше отрывок — В 137. Для Гегеля дедукция катего-

the manifold as condition of this synthesis and therefore as the condition of knowledge's objective validity. In В 137 Kant resumes the argument as follows:

An *object*, however, is that in the concept of which the manifold of a given intuition is *united*. Now, however, all unification of representations requires unity of consciousness in the synthesis of them. Consequently the unity of consciousness is that which alone constitutes the relation of representations to an object, thus their objective validity, and consequently is that which makes them into cognitions and on which even the possibility of the understanding rests (*KrV*, В 137; Kant, 1998, p. 249).

The unity of consciousness is the supreme possibility condition of objective knowledge. The I-think or apperception or unity of consciousness is what grounds 'the possibility of the understanding'.

In sum, in recapitulating Kant's basic idea of the transcendental deduction in В 116-137, I have stressed the following points: (1) the juridical meaning of the transcendental deduction is the establishing of a right's legitimacy (more specifically: establishing the right of the categories to apply *a priori* to objects of experience); (2) the notion of categories as *forms* of objective (true) knowledge; (3) the notion of categories as *possibility conditions* of objective (true) knowledge; (4) the notion of categories as *necessary* and hence their special normative meaning as that without which there would not be any objective (true) knowledge; finally, (5) the notion of categories as functions of the I-think or unity of consciousness.

2. The Idea of Hegel's Deduction

2.1. Hegel on Kant's Idea

In his interpretation of Kant's transcendental deduction in the *Science of Logic* Hegel discuss-

рий является фундаментальной, поскольку позволяет нам увидеть природу или сущность «понятия» (*der Begriff* я бы перевела как «концептуальная мысль»).

Гегель пишет:

Один из самых глубоких и самых правильных взглядов, имеющих в «Критике [чистого] разума», — это взгляд, согласно которому *единство*, составляющее *сущность понятия*, есть *первоначально-синтетическое единство апперцепции*, единство «я мыслю», или самосознания. — Это положение составляет так называемую *трансцендентальную дедукцию категорий*; но эта дедукция издавна считалась одной из самых трудных частей кантовской философии, — пожалуй, только по той причине, что она требует возвыситься над простым *представлением* об отношении, в котором Я и *рассудок* или *понятия* находятся к вещи и ее свойствам или акциденциям, и перейти к *мысли* (Гегель, 1972, с. 17).

Гегель подчеркивает, что в дедукции различают два вида мышления — M1 и M2. M1 — это субъективное репрезентативное мышление, осуществляемое рассудком, в котором мы мыслим Я или понятия с одной стороны и вещь и ее свойства — с другой. M2 — это то, что Гегель называет *der Gedanke*, то есть трансцендентальное / диалектическое / рациональное мышление, мышление об отношении между «Я», или рассудком, и вещью, которая делает возможным это самое отношение. Гегель говорит, что трансцендентальная дедукция категорий настолько трудна, что заставляет нас отступить от M1 к M2. Собственно говоря, аргументация Канта в трансцендентальной дедукции предполагает выход за пределы отношения между Я / рассудком и вещью (рассудок как *Verstand* — это неререфлексивное мышление) к мысли (*der Gedanke*), то есть к тому, что делает возможным это самое отношение. Следовательно, мы имеем M1: отношение соответствия между Я, или рассудком (*Verstand*), и вещью, и M2: вид мысли (*Gedanke*), который

es precisely the last quoted passage: B 137. For Hegel the deduction of categories is fundamental insofar as it lets us see the nature or essence of 'the concept' (*der Begriff* — I would translate it as 'conceptual thought').

Hegel (2010 p. 515) writes:

It is one of the profoundest and truest insights to be found in the *Critique of Reason* that the *unity* which constitutes the *essence of the concept* is recognised as the *original synthetic unity of apperception*, the unity of the "I think," or of self-consciousness. — This proposition is all that there is to the so-called *transcendental deduction of categories*, which, from the beginning, has however been regarded as the most difficult piece of Kantian philosophy — no doubt only because it demands that we should transcend the mere *representation* [*Vorstellung*] of the relation of the "I" and the *understanding* [*Ich und der Verstand*], or of the *concepts* [*die Begriffe*], to a thing and its properties or accidents, and advance to the *thought* [*Gedanke*] of it.

Hegel highlights that, in the deduction, two kinds of thought, T1 and T2, are distinguished. T1 is the subjective representational thought practiced by the understanding, in which we have thought or the I or the concepts on one side, and the thing and its properties on the other; T2 is what Hegel calls *der Gedanke*, i.e. transcendental / dialectical / rational thought, the thought about the relation between the I or understanding and the thing, which makes this very relation possible. Hegel says that the transcendental deduction of categories is so difficult because it forces us to step back from T1 to T2. As a matter of fact, Kant's argumentation in the transcendental deduction implies going beyond the relation between the I/the understanding and the thing (the understanding as *Verstand* is non-reflexive thought) towards the *thought* (*der Gedanke*), i.e. towards what makes this very relation possible. Hence we have T1: the correspondence relation between the I or the understanding/*Verstand* and thing, and

делает возможной истину как соответствие. Величайшее прозрение Канта, по мнению Гегеля, состоит в следующем: то, что делает возможной истину как соответствие (отношение между «Я» и вещью), — это *саморефлексивное мышление*, которое, в терминах Канта, есть то же самое, что и «первоначальное синтетическое единство апперцепции», или самосознание, а в терминах Гегеля — понятие (*der Begriff* или здесь: *der Gedanke*)⁷.

Следовательно, дедукция категорий для Гегеля есть проявление самой природы понятийного мышления (*der Gedanke* или *der Begriff*). Гегель отождествляет *der Gedanke* или *der Begriff* с исходным синтетическим единством апперцепции — спекулятивной структурой, которая включает в себя рефлексии и рефлексии о рефлексии. Гениальная идея Канта, по Гегелю, состоит в том, что мыслящая сама себя мысль (самосознание, первоначальное синтетическое единство апперцепции) образует тот самый горизонт, без которого не было бы никакого соответствия мысли с действительностью (возможное условие истины как соответствия)⁸.

Гегель также пишет, что кантовское изложение в «Трансцендентальной дедукции» предполагает, что «понятие есть то, что объективно в познании, стало быть, есть истина» (Гегель, 1972, с. 19). Другими словами, то, что концептуальное спекулятивное саморефлексив-

T2: the kind of thought (*Gedanke*) that makes truth as correspondence possible. Kant's great insight is, for Hegel, that what makes truth as correspondence (the relation between the I and the thing) possible is *self-reflexive thought*, which is one and the same as, in Kantian terms: 'the original synthetic unity of apperception' or self-consciousness, and, in Hegelian terms: the concept (*der Begriff* or here: *der Gedanke*).⁷

Hence the deduction of categories for Hegel is the manifestation of the very nature of conceptual thought (*der Gedanke* or *der Begriff*). Hegel identifies *der Gedanke* or *der Begriff* with the original synthetic unity of apperception — a speculative structure, which involves reflection and reflection about reflection. Kant's ingenious idea is, for Hegel, that the thought that thinks itself (self-consciousness, the original synthetic unity of apperception) constitutes the very horizon without which there would not be any correspondence of thought with reality (the possibility condition of truth as correspondence).⁸

Hegel (2010, p. 516) also writes that the Kantian exposition in the "Transcendental Deduction" entails that "the concept is given as the *objective element* of cognition, consequently as the *truth*". In other words: that conceptual speculative self-reflexive thought is 'the truth'

⁷ Интерпретация «Я мыслю» как «понятия» в гегелевских терминах является спорной. Анализ различий между тем, что Гегель делает из кантовской теории апперцепции, и теорией самого Канта см. в работе Дюзинга: (Düsing, 2013, S. 143–180).

⁸ Об аспектах в теории Канта, касающихся связи аналитического и синтетического единства апперцепции, которые также превосходят гегелевскую концепцию понятия, см.: у Шефера (Schäfer, 2011, S. 267). О прочтении логики Гегеля как реализации трансцендентальной философской программы Канта и подлинной критической философии см.: (Stekeler-Weithofer, 1992). О трансцендентализме Гегеля см.: (Horstmann, 2006; Pippin, 2015; Houlgate, 2015). Гадамер (Gadamer, 1971) показывает, что проект Гегеля в «Науке логики» объединяет идею философии Канта и Фихте как трансцендентальной философии с античной идеей первой философии как метафизики.

⁷ The interpretation of the I-think as "the concept" in Hegel's terms is controversial. For an analysis of the differences between what Hegel makes of Kant's theory of the apperception and Kant's own theory see Düsing (2013, pp. 143-180).

⁸ On the aspects in Kant's theory of the connection between analytical and synthetic unity of apperception that anticipate Hegel's concept of concept see Schäfer (2011, p. 267). For a reading of Hegel's logic as accomplishment of Kant's transcendental philosophical programme and genuine critical philosophy see Stekeler-Weithofer (1992). On Hegel's transcendentalism see Horstmann (2006, pp. 9-50), Pippin (2015, pp. 159-172) and Houlgate (2015, pp. 173-194). Gadamer (1971, pp. 49-70) shows that Hegel's project in the *Wissenschaft der Logik* is uniting Kant's and Fichte's idea of philosophy as transcendental philosophy with the ancient idea of first philosophy as metaphysics.

ное мышление есть «истина», означает, что оно есть условие возможности, норма и форма истины. То, что понятие есть истина, означает, что это то, что сам Кант называл «трансцендентальной истиной», подразумевая под ней условие возможности истины как соответствия («Die transzendente Wahrheit, die vor aller empirischen vorhergeht, und sie möglich macht»)⁹.

2.2. Гегелевская идея дедукции

Обратимся теперь к самой идее Гегеля о трансцендентальной дедукции. В «Философии права» Гегель пишет, что в науках (нефилософских) первым пробелом, который необходимо восполнить, является поиск и нахождение определений. В философии, напротив, научная процедура иная и скорее похожа на ту, которая распространена в юридических науках. Юридические науки должны определять, что правильно, а что законно и задаваться вопросом, применимы ли предлагаемые определения (законы) к конкретным случаям. Это сопряжено с рядом трудностей. Поэтому юристы знают, что к общей процедуре определения следует подходить с осторожностью; «...поэтому и было предостерегающе сказано: *omnis definitio in jure civili periculosa*. И в самом деле, чем бессвязнее и самопротиворечивее определения права, тем менее возможны в нем дефиниции...» (Гегель, 1990, с. 60). Гегель намекает здесь на трудность подведения конкретной юридической ситуации (фактов дела) под общий закон. Юристы хорошо понимают, что конкретный анализируемый случай зачастую опровергает общее определение. Определения, как подчеркивает Гегель, «должны содержать общие определения, а в общих определениях

⁹ См.: (В 185; Кант, 2006, с. 265), где Кант пишет, что трансцендентальная истина состоит в общем отношении к тотальности нашего опыта, и уточняет, что она предшествует всякой эмпирической (конкретной) истине и делает ее возможной. Для Гегеля саморефлексивность понятия — это тотальное знание, точнее, путь к нему.

means that it is the possibility condition, the norm and form of truth. That the concept is truth means that it is what Kant himself called ‘transcendental truth’, intending it as the possibility condition of truth as correspondence (“Die transzendente Wahrheit, die vor aller empirischen vorhergeht, und sie möglich macht”).⁹

2.2. Hegel’s Idea of the Deduction

Let us now turn to Hegel’s own idea of the transcendental deduction. In the *Philosophy of Right* Hegel writes that in the (non-philosophical) sciences the first *desideratum* is to look for and find definitions. In philosophy, by contrast, the scientific procedure is different, and rather similar to the one common in the juridical sciences. The juridical sciences have to determine what is right and what is just, and to ask whether the determinations (the laws) they propose hold for the particular cases. This involves a series of difficulties. Therefore jurists know that the common definition procedure is to be handled with care. “For this reason it has been said as a warning, *omnis definitio in jure civili periculosa* and in fact the more disconnected and contradictory the determinations of a right are, the less possible is a definition of it” (Hegel, 2001, p. 22). Hegel hints here at the difficulty of subsuming a particular juridical situation (the facts of a case) under a general law. The legal experts are well aware that the specific case under analysis often refutes the general definition. A definition, as Hegel stresses, “should contain only universal features; but these forthwith bring to light contradictions, which in the case of law are injustice,

⁹ See *KrV*, A 146 / B 185 (Kant, 1998, p. 276), where Kant writes that transcendental truth consists in the general relation to the totality of our experience and specifies that it precedes all empirical (particular) truth and makes it possible. For Hegel the self-reflexivity of the concept is (the path towards) total knowledge.

непосредственно обнаруживается противоречивое, здесь — неправоное во всей его очевидности. Так, например, в римском праве невозможно дефиниция *человека*, ибо раба нельзя было подвести под это понятие, которое скорее нарушается его положением; столь же опасной оказалась бы во многих отношениях дефиниция собственности и собственника» (Там же). То есть римские юристы прекрасно осознавали, что, когда мы определяем людей как носителей прав и обязанностей, само существование рабов противоречит нашему определению и заставляет нас пересмотреть его или признать несправедливость нашей правовой и социальной системы.

Что касается пределов обычного, нефилософского метода «выведения определений», Гегель говорит следующее:

Дедуцируется же дефиниция обычно из этимологии, преимущественно посредством абстрагирования от особых случаев, причем основой служат чувства и представления людей. Правильность дефиниции определяют затем в зависимости от ее соответствия существующим представлениям. При этом методе отодвигается на задний план то, что единственно существенно в научном отношении, в отношении содержания, — необходимость предмета в себе и для себя (здесь права), в отношении же формы — природа понятия (Там же).

Отодвигается, во-первых, идея о необходимости понятий, с которыми сталкивается философия (и юриспруденция) (см. пункты (3) и (4) выше о необходимости чистых и априорных понятий Канта как возможных условий объективного познания), то есть они являются формами и нормами нашего истинного мышления, и, во-вторых, идея о том, что такие понятия имеют саморефлективную природу (см. пункт (5) о саморефлективной природе синтетического единства апперцепции как условия высшей возможности и как основной формы

in all their nakedness. Thus in Roman law, for instance, no definition of man was possible, because it excluded the slave. The conception of man was destroyed by the fact of slavery” (*ibid.*). That is, the Roman jurists were well aware that, when we define human beings as bearers of rights and duties, the very existence of slaves clashes against our definition, and forces us to revise it, or to recognise the injustice of our legal and social system.

As to the limits of the normal, non-philosophical method of ‘deducing definitions’ Hegel (2001, p. 22; cf. 1969, p. 31) has this to say:

The deduction of a definition is usually traced back to the following: the definition is intended as procedure through which we abstract from the particular cases, and, in doing so, we have our feelings and representation [*Vorstellung*] about the matter at stake as our basis. The correctness of the definition would thus consist in its agreement with our present representations. By such a method everything essentially scientific is cast aside. As regards the content what is cast aside is the necessity of the object (here: the law), and, as regards the form, the nature of the concept.¹⁰

What is cast aside is first the idea that the concepts philosophy (and jurisprudence) deal with are necessary (see points (3) and (4) above, about the necessity of Kant’s pure and *a priori* concepts as possibility conditions of objective knowledge), i.e. they are forms and norms of our true thought and, second, that such concepts have a self-reflexive nature (see point (5) about the self-reflexive nature of the synthetic unity of apperception as the highest possibility condition, and as the basic form of every pure *a priori* concept). By contrast, “In philo-

¹⁰ Here and in the following quotations from Hegel (1969) I have diverged slightly from the published translations in the interests of greater clarity.

всякого чистого априорного понятия). Напротив, «в философском познании главным является *необходимость* понятия, а движение, в ходе которого оно становится *результатом*, составляет его доказательство и дедукцию» (Там же). Философская дедукция, или метод дедукции (или демонстрации) в философии, таким образом, зависит от необходимой природы ее предмета (двойной негативный смысл необходимости каждой трансцендентальной структуры как того, без чего то, что существует / возможно, не существовало / не было бы возможным) и состоит в раскрытии смысла таких трансцендентальных структур. «Движение, в ходе которого оно становится *результатом*, составляет его доказательство и дедукцию» означает, что дедукция имеет дескриптивную сторону: это анализ природы категорий как трансцендентальных структур (условий возможности и форм объективного знания / истины). Сам Кант пишет в «Пролегоменах» (AA 04, S. 324; Кант, 1994, с. 85), что дедукция есть понимание самой природы чистых понятий (см.: Puder, 1974, S. 41)¹⁰. Гегель продолжает конкретизировать философский научный метод:

Поскольку таким образом его *содержание* для себя необходимо, только затем следует обратить внимание на то, что соответствует ему в представлениях и языке. Однако поня-

¹⁰ Точнее, Кант пишет о постижении природы категорий через постижение их природы как функций. Они «служат только для того, чтобы определять в отношении всех функций суждения эмпирические положения... сообщать им тем самым общезначимость и посредством них делать возможными *суждения опыта* вообще» (AA 04, S. 324; Кант, 1994, с. 85). Баум подчеркивает, что дедукция Канта представляет собой особый вид определения (Baum, 1986). Идея Канта, подтверждение которой мы увидим у Гегеля, состоит в том, что если определение понимать стандартно, как попытку «изначально давать подробно-обстоятельное изложение понятия вещи в ее границах» (B 755; Кант, 2006, с. 921), то определение таких априорных понятий, как «субстанция», «причина» и «право» (B 756; Кант, 2006, с. 923), невозможно (см. блестящую реконструкцию подхода Канта к определениям в случае априорных понятий и идей разума: Левин, 2021, с. 103–104).

sophic knowledge the necessity of a concept is the main thing, and the process, by which it, as a result, has come into being is its proof and deduction” (Hegel, 2001, pp. 22-23; cf. 1969, pp. 31-32). The philosophical deduction, or the method of deduction (or demonstration) in philosophy thus depends on the necessary nature of its subject matter (the double negative meaning of the necessity of every transcendental structure as that without which something that exists/is possible would not exist/be possible) and consists in unfolding the meaning of such transcendental structures. “The process by which the transcendental structure has come into being is its deduction” means that the deduction has a descriptive side: it is the analysis of the nature of categories as transcendental structures (possibility conditions and forms of objective knowledge/truth). Kant himself writes in the *Prolegomena* (AA 04, p. 324; Kant, 2004, p. 76) that the deduction is the insight into pure concepts’ very nature (cf. Puder, 1974, p. 41).¹¹ Hegel (2001, pp. 22-23; cf. 1969, p. 32) goes on specifying the philosophical scientific method:

After the content is seen to be necessary independently, the second point is to look about for that which corresponds to it in existing

¹¹ More specifically, Kant is writing about the insight into the nature of the categories in terms of an insight into their nature as *functions*. They “serve only to determine empirical judgments [...] with respect to those functions [of judging], so as to procure universal validity for these judgments, and thereby to make *judgments of experience* possible in general” (*Prol*, AA 04, p. 324; Kant, 2004, p. 76). That Kant’s deduction is a specific kind of definition is stressed by Baum (1986). Kant’s idea, which we will see confirmed in Hegel, is that, if the definition is understood standardly as an attempt “to exhibit originally the exhaustive concept of a thing within its boundaries” (*KrV*, A 727 / B 755; Kant, 1998, p. 637) then a definition of *a priori* concepts such as “substance”, “cause” and “right” (*KrV*, A 728 / B 756; Kant, 1998, p. 638) is not possible (see Lewin, 2021, pp. 103-104 for a brilliant reconstruction of Kant’s approach to definitions in the case of *a priori* concepts and ideas of reason).

тие для себя в своей истине и это же понятие в *представлении* не только могут, но и должны отличаться друг от друга по форме и образу. Если, однако, представление не ложно и по своему содержанию, то можно показать, что понятие и по своей сущности налично в нем, т.е. представление может быть возведено в форму понятия. Однако такое представление настолько не есть мерило и критерий для самого себя необходимого и истинного понятия, что оно, напротив, должно брать из него свою истинность, поправлять и познавать себя, исходя из него (Гегель, 1990, с. 60–61).

В философском познании «необходимость понятия есть главное»: здесь Гегель утверждает, что структуры, идеи и т.д., с которыми имеет дело философия, не эмпиричны («желтые»), а необходимы. И их дедукция или демонстрация есть оправдание этой необходимости. Их дедукция предполагает прежде всего рассмотрение опыта, который для Гегеля является лингвистически артикулированной областью наших общих представлений об этих понятиях. Представления всегда неправильны по форме (они являются выражением понимания или неререфлексивной мысли), а значит, всегда односторонни. Но они могут быть правильными, то есть выражать что-то истинное (хотя и частично) относительно рассматриваемых понятий, и если они верны, то можно показать, что в них содержится понятие, и их можно привести к (самореферентной) форме понятия. При этом должно быть ясно, что критерием истины является понятие, а не представление.

Таким образом, Гегель подчеркивает отличие дедукции как метода философии от обычной научной процедуры формулирования определения и доказательства его правильности. В нефилософской процедуре мы определяем понятия (скажем, понятие справедливости), рассматривая наши обычные повседневные представления (например, наше мнение о том, что справедливость — это право более сильного, или что закон способствует равенству, или

representations [*Vorstellungen*] and modes of speech. But the way in which a concept [*Begriff*] exists in its truth, and the way it presents itself in random representations not only is but must be different in form and structure. If a representation [*Vorstellung*] is not in its content false, the concept [*Begriff*] can be shown to be contained in it and the representation may thus be raised to the form of the concept. But so little is any representation the measure and criterion of an independently necessary and true concept, that it must derive its truth from the concept, be rectified and known through it.

In philosophical knowledge ‘the necessity of the concept is the main thing’: Hegel is here claiming that the structures, ideas etc. philosophy deals with are not empirical (‘yellow’) but necessary. And their deduction or demonstration is the justification of this necessity. Their deduction involves first of all the consideration of experience, which for Hegel is the linguistically articulated field of our common representations about these concepts. Representations are always wrong as to their form (they are expression of the understanding or non-reflexive thought), which means that they are always one-sided. But they can be correct, i.e. they can express something true (though partial) about the concepts at stake, and if they are correct then it is possible to show that the concept is contained in them, and they can be brought to the (self-referential) form of the concept. Hereby it must be clear that the concept, and not the representation, is the criterion of truth.

Thus Hegel highlights the difference between the deduction as the method of philosophy and the normal scientific procedure of giving a definition and demonstrating its correctness. In the non-philosophical procedure we define concepts (say, the concept of justice) by considering our normal everyday rep-

что справедливость влечет за собой свободу и т.д.), абстрагируясь от конкретных представлений и сосредоточиваясь на общих повторяющихся чертах понятия. Доказательство корректности определения состоит в проверке его соответствия нашим представлениям. Этот метод неизбежно содержит элемент чистой произвольности, поскольку критерием правильности определения становится наше личное мнение. Напротив, философская дедукция подразумевает, что понятие как саморефлективная мысль (то есть также как критическое размышление о нормальном репрезентативном значении рассматриваемого понятия) признается как возможное условие истинности представления. Представления, личные мнения рассматриваются с точки зрения «понятия», то есть саморефлективной и скептической мысли, а это означает, что они подлежат критике и отрицанию. Таким образом, процедура «определения и дедукции определения» заменяется трансцендентальным и диалектическим дедуктивным методом. Понятие превращается в критическую рефлексию над представлениями и личными мнениями, в скептическую инстанцию, отрицающую представление, и в то же время в обосновывающую инстанцию, дающую представления в их истинности.

Одним словом, для Гегеля трансцендентальная дедукция категорий является методом философии. Гегель пишет: «В чем состоит научный метод философии, предполагается здесь известным из философской логики» (Гегель, 1990, с. 61). Отсюда следует, что у Гегеля становится очевидной идея дедукции как исследования истины (ее форм и условий возможности). Первоначальное единство апперцепции становится спекулятивным, то есть саморефлективным, скептическим мышлением как фундаментальной формой и нормой истинного познания.

representations (for example our view that justice is the right of the stronger, or that to be just means to promote equality, or that justice entails freedom etc.) and by abstracting from the specific representations, focusing on the general recurrent traits of the concept. The proof of the definition's correctness consists in checking whether it corresponds to our representations. This method inevitably contains an element of pure arbitrariness, insofar as our personal opinions become the criterion of the definition's correctness. In contrast, the philosophical deduction implies that the concept as self-reflexive thought (i.e. also as critical reflection about the normal representational meaning of the concept at stake) is recognised as the possibility condition of the truth of the representation. Representations, personal opinions are considered from the perspective of 'the concept', i.e. of self-reflexive and sceptical thought, and this means that they are to be criticised and negated. Thus the procedure of the 'definition and deduction of the definition' is replaced by the transcendental and dialectical deductive method. The concept turns into a critical reflection on representations and personal opinions, into a sceptical instance, which negates the representation, and at the same time into a grounding instance, which places the representations in their truth.

In sum, for Hegel the transcendental deduction of categories is the method of philosophy. Hegel (2001, p. 23; cf. 1969, p. 32) writes "This is the scientific method of philosophy, which we derive from the philosophical logic". This implies that, in Hegel, the idea of the deduction as an inquiry into truth (its forms and possibility conditions) becomes evident. The original unity of apperception becomes speculative — i.e. self-reflexive, sceptical thought as the fundamental form and norm of true knowledge.

3. Форма трансцендентальной дедукции

Кант и Гегель связывают задачу трансцендентальной дедукции с задачей объяснения особых понятий, природа которых трансцендентальна, то есть они являются условиями возможности объективного познания, форм и норм истины. Дедукция имеет юридический смысл, то есть категории представляют собой возможные условия объективного познания (истины), они претендуют на роль таких нормативных и необходимых структур. И их претензии нуждаются в обосновании. Их дедукция необходима¹¹.

По мнению Хенриха, тот факт, что дедукция имеет юридическое значение, подразумевает, что она нелогична (Henrich, 1989, p. 46). Напротив, на мой взгляд (и я согласна с Мёллером (Moeller, 2020, p. 59)), то, что дедукция юридична, не означает, что она нелогична. Давайте рассмотрим структуру дедукции, как она описана Кантом и Гегелем. Как мы видели, в отрывке В 137 дается краткое изложение основных шагов дедукции, которые находятся в центре интерпретации Гегеля. Кант начинает с рассмотрения объекта подлинного (истинного, объективного) познания и показывает, что (поскольку объект познания един, но познание начинается с чувственного опыта, а через чувственный опыт мы получаем множественные впечатления) без синтеза многообразного не было бы объекта. Поэтому, если

¹¹ В моем анализе идеи дедукции Канта и Гегеля я показываю, что в кантовской аргументации составляло основу для собственной интерпретации и трансформации Гегеля. При этом я также подчеркиваю, что является «красной нитью» между двумя идеями трансцендентальной дедукции. Однако это не означает, что исходное единство апперцепции Канта носит спекулятивный характер (при прочтении гегелевского идеализма как абсолютного идеализма). Скорее, речь идет о том, чтобы показать кантовские мотивы с точки зрения Гегеля, то есть гегелевского трансцендентализма, и роль, которую играет опыт, данный в диалектическом и спекулятивном подходе. О подобном прочтении и продолжении гегелевского проекта см.: (Gadamer, 1976; Lukács, 1973).

3. The Form of the Transcendental Deduction

Both Kant and Hegel connect the task of the transcendental deduction to that of giving an account of *special concepts*, whose nature is transcendental, i.e. they are: possibility conditions of objective knowledge, forms and norms of truth. The deduction has a juridical meaning, i.e. the categories *present themselves* as possibility conditions of objective knowledge (truth), they *make the claim* to be such normative and necessary structures. And their claim needs justification. Their deduction is needed.¹²

For Henrich (1989, 46) that the deduction has a juridical meaning implies that it is not logical. In contrast, in my view (and I agree with Moeller (2020, pp. 59) that the deduction is juridical does not mean that it is not logical. Let us consider the structure of the deduction as it is described by Kant and Hegel. As we have seen, the passage B 137 gives us a summary of the deduction's basic steps that are at the centre of Hegel's interpretation. Kant starts by considering the object of genuine (true, objective) knowledge and shows that (since the object of knowledge is unitary, but knowledge starts with sense experience and through sense experience we receive multiple impressions) without a synthesis of the manifold there would not be an object. Thus, if

¹² In my analysis of Kant's and Hegel's idea of the deduction I show what, in the Kantian argumentation, constituted the basis for Hegel's own interpretation and transformation. In so doing, I also highlight what is a 'red thread' between the two ideas of the transcendental deduction. However, this does not imply taking Kant's original unity of apperception to be speculative (on a reading of Hegelian idealism as absolute idealism). Rather, it implies showing the Kantian motives in Hegel's view, i.e. the Hegelian transcendentalism and the role played by the experiential given in the dialectical and speculative approach. On a similar reading and continuation of the Hegelian project see Gadamer (1976) and Lukács (1973).

O = имеются объекты опыта,
S = имеется синтез многообразного,
тогда

если у нас нет синтеза, то нет и объекта
опытного познания = если не-S, то не-O.

Но есть объект = O.

Следовательно, есть синтез = S.

Затем, рассматривая синтез, Кант утверждает, что без единства в основе синтеза не было бы никакого синтеза. Следовательно, дано, что U = существует единство в синтезе. Мы имеем следующее:

Если бы не было единства, то не было бы синтеза = если не-U, то не-S.

Но существует синтез = O.

Следовательно, существует единство = U.

Наконец, исследуя единство, Кант показывает, что не было бы никакого единства, если бы у нас не было «Я мыслю». Таким образом, при условии, что I = существует самосознание, у нас получается:

Если бы не было самосознания, то не было бы единства = если не-I, то не-U.

Но существует единство = U.

Следовательно, существует «Я мыслю» / самосознание = I.

Таким образом, можно сказать, что аргументация Канта в дедукции состоит из цепочки умозаключений, подчиняющихся *modus tollens*, а точнее:

1. $\neg S \rightarrow \neg O, O \vdash S$ (или $\neg S \rightarrow \neg O, \neg \neg O \vdash \neg \neg S$).
2. $\neg U \rightarrow \neg S, S \vdash U$ (или $\neg U \rightarrow \neg S, \neg \neg S \vdash \neg \neg U$).
3. $\neg I \rightarrow \neg U, U \vdash I$ (или $\neg I \rightarrow \neg U, \neg \neg U \vdash \neg \neg I$).

Однако для завершения вывода следует добавить еще один шаг, а именно: акт «Я мыслю» для Канта является не только условием высшей возможности объективного познания и объекта опытного познания, но, в свою очередь, укорененным в том же объекте (см.: В 118; Кант, 2006, с. 999–1001, где говорится, что чистая мысль вызывается к упражнению в случае, данном материей, а также заключительные аб-

O = there are objects of experience
S = there is synthesis of the manifold
Then we have

If there was not synthesis there would not be an object of experiential knowledge = If not-S then not-O

But there is the object = O

Therefore, there is synthesis = S

Then, by considering the synthesis, Kant states that without a unity at the basis of the synthesis there would not be any synthesis. Hence, given that U = there is unity in the synthesis. We have

If there was not unity there would not be synthesis = if not-U then not-S

But there is synthesis = S

Therefore, there is unity = U

Finally, by examining the unity, Kant shows that there would not be any unity had we not the I-think. Thus, given that I = there is self-consciousness. We have

If there was not self-consciousness there would not be unity = if not-I then not-U

But there is unity = U

Therefore, there is the I-think / self-consciousness = I

Thus, we can say that Kant's argument in the deduction consists of a chain of inferences that are ruled by *modus tollens*, more specifically:

1. $\neg S \rightarrow \neg O, O \vdash S$ (or $\neg S \rightarrow \neg O, \neg \neg O \vdash \neg \neg S$)
2. $\neg U \rightarrow \neg S, S \vdash U$ (or $\neg U \rightarrow \neg S, \neg \neg S \vdash \neg \neg U$)
3. $\neg I \rightarrow \neg U, U \vdash I$ (or $\neg I \rightarrow \neg U, \neg \neg U \vdash \neg \neg I$)

Yet there is a further step to be added for the completion of the deduction, namely: the I-think is, for Kant, not only the highest possibility condition of objective knowledge and of the object of experiential knowledge, but, in turn, rooted in the same object (see *KrV*, В 118, where pure thought is said to be called into exercise on occasion given by matter, as well as the final paragraphs of the deduction about the

зацы «Дедукции» об ограничении категорий тем, что дано в опыте). Таким образом,

4. $\neg O \rightarrow \neg I, I \vdash O$ (или $\neg O \rightarrow \neg I, \neg \neg I \vdash \neg \neg O$).

У Гегеля мы имеем понятие =(которое есть мысль, мыслящая о себе, и рассматривается Гегелем как эквивалент кантовского «Я мыслю») как норму или критерий истинности представлений. В то же время представления являются теми образцами, которые заставляют нас пересмотреть работу понятия (только в свете представлений мы можем оценить адекватность понятия). Итак, мы имеем ситуацию, где мысль о мысли (понятии) истинна только в том случае, если она соответствует мысли о реальности (представлении), а мысль о реальности истинна только в том случае, если она соответствует мысли о мысли. Короче говоря, с учетом того, что C — это понятие (как мысль о мысли, самореферентная мысль), а R — это представление (как мысль о реальности), у нас есть отношение взаимной импликации между C и R, которое мы могли бы выразить так:

$$C \leftrightarrow R.$$

В обоих случаях (как в кантовской, так и в гегелевской идее дедукции) дедукция предполагает цикличность. Однако, как подчеркивали многие интерпретаторы (среди них Баум (Baum, 1986) и Грундман (Grundmann, 2003)), это не порочная цикличность. Проще говоря, его задача состоит в том, чтобы исследовать условия возможности нашего исследования. Если мы попытаемся выразить эту основную черту трансцендентальной дедукции формально, нам потребуется своего рода самореференция и цикличность, которые, возможно, будет трудно допустить в классической логической структуре. Возможно, именно по этой причине Хенрих утверждает, что обоснованность аргумента должна оцениваться в соответствии со стандартами юридического рассуждения, а не формальных логических доказательств (Henrich, 1989, S. 46) и что другие интерпретаторы, такие как Баум (Baum, 1986), склонны интер-

categories' restriction to what is given in experience). Thus

4. $\neg O \rightarrow \neg I, I \vdash O$ (or $\neg O \rightarrow \neg I, \neg \neg I \vdash \neg \neg O$)

In Hegel we have the concept (which is thought thinking about itself and seen by Hegel as the equivalent of the Kantian I-think) as the norm or criterion of the truth of representations. At the same time, the representations are the instance that forces us to revise the work of the concept (it is only in the light of the representations that we can assess whether the concept is adequate). So we have the situation that thought about thought (the concept) is true only if it conforms to thought about reality (the representation), and thought about reality is true only if it conforms to thought about thought. In short, given that C is the concept (as thought about thought, self-referential thought) and R is the representation (as thought about reality), we have a relation of reciprocal implication between C and R, which we could express as:

$$C \leftrightarrow R$$

In both cases (in the Kantian as well as in the Hegelian idea of deduction) the deduction involves circularity. Yet it is a non-vicious circularity, as many interpreters have stressed (among them Baum (1986) and Grundmann (2003)). To put it in very elementary terms, its task is to examine the possibility conditions of our examination. If we try to express this basic trait of the transcendental deduction formally, we will require some sort of self-referentiality and circularity, which might be difficult to admit in a classical logical framework. It is perhaps for this reason that Henrich (1989, p. 46) claims that the validity of the argument should be evaluated according to the standards of legal reasoning rather than according to the standards of formal logical proofs, and that other interpreters, such as Baum (1986), tend to interpret the transcendental deduction as an exercise in conceptual analysis rather than as a

претировать трансцендентальную дедукцию как упражнение в концептуальном анализе, а не как формальное логическое доказательство¹². Тем не менее начиная с 1970-х гг. были разработаны конкретные формально-логические инструменты для борьбы с цикличностью и самореференциальностью, которые типичны для многих форм рассуждения, прежде всего для рассуждений в философии¹³.

Идея Канта о том, что категории ограничены опытом, что их использование должно быть ограничено чувственно данным и что они в то же время являются нормой и формой опыта, у Гегеля становится возможностью рассмотрения диалектики между *Vorstellung* и *Begriff*. Категории — это нормы, формы, условия возможности опыта, заложенные в опыте. По Гегелю, условия возможности заложены в языке и истории, в наших взглядах на всё (представления: *Vorstellungen*). Для Канта они опираются (в самом своем происхождении) на многообразие,

¹² Согласно Бауму, цикличность дедукции Канта не является проблемой, поскольку для него дедукция — это не доказательство, а особый вид концептуального анализа (Baum, 1986). Штекелер-Вейтофер (Stekeler-Weithofer, 1992, см., напр., S. 8, 40) интерпретирует логику Гегеля как концептуальный анализ и как реализацию трансцендентального философского проекта Канта. Моя цель в настоящей статье — не экзегетическая, то есть не состоит в том, чтобы показать верность или неверность гегелевской интерпретации. Скорее я стремлюсь продемонстрировать, что, во-первых, в интерпретации Гегеля некоторые метафилософские аспекты кантовской идеи трансцендентальной дедукции подчеркиваются таким образом, что дедукция становится самим методом или логикой философии в гегелевском смысле. Во-вторых, я подчеркиваю, что эта интерпретация / трансформация предлагает простой ответ на вопрос о том, какова значимость трансцендентальной дедукции категорий для нас сегодня.

¹³ Для начала см.: (Priest, 1979). Очевидно, вопрос о формализации трансцендентальной дедукции категорий заслуживает более детального рассмотрения. Настоящая работа продиктована мыслью о том, что необходима операция существенного обобщения и упрощения, если мы хотим понять и оценить значимость трансцендентальной дедукции категорий (одной из самых трудных глав в истории философии). Это означает, что некоторые моменты лишь слегка обозначены в ходе их развития в аргументации.

formal logical proof.¹³ Yet, specific formal logical tools have been developed, starting from the 1970s, for dealing with the circularity and self-referentiality that is typical for many forms of reasoning, first of all: for reasoning in philosophy.¹⁴

Kant's idea that the categories are bounded by experience, that their use is to be restricted to the sensible given, and that they are, at the same time, the norm and form of experience, becomes, in Hegel, the view about the dialectic between *Vorstellung* and *Begriff*. The categories are norms, forms, possibility conditions of experience, which are deposited in experience. The possibility conditions are for Hegel deposited in language and history, in our views about everything (the representations: *Vorstellungen*). For Kant they are reliant (for their very genesis) on the manifold given in the forms of sensibility. For Kant all knowledge — also pure knowledge — starts from experience, even if not all knowledge depends on experience.

¹³ According to Baum (1986) the circularity of Kant's deduction is not a problem because the deduction, for him, is not a proof but a special kind of conceptual analysis. Stekeler-Weithofer (1992, e.g. p. 8 and p. 40) interprets Hegel's logic as conceptual analysis, and as the fulfilment of Kant's transcendental philosophical project. My aim in the present paper is not primarily exegetical, i.e. it is not to show that Hegel was right or that he was wrong in his interpretation. Rather, my aim is to show, first, that in Hegel's interpretation some metaphilosophical aspects of the Kantian idea of the transcendental deduction are emphasised in a way that makes of the deduction the very method or logic of philosophy in the *Hegelian* sense. Secondly, I stress that this interpretation/transformation is useful for proposing a simple answer to the question: what is the relevance of the transcendental deduction of categories for us, today?

¹⁴ For a first approach see Priest (1979). Evidently, the question about the formalisation of the transcendental deduction of categories would deserve a more detailed consideration. The present paper is motivated by the insight that an operation of great generalisation and simplification is needed if we wish to understand and assess the relevance for us of the transcendental deduction of categories (one of the most difficult chapters in the history of philosophy). This implies that some points are merely hinted at in their lines of development in the argument.

данное в формах чувственности. Все познание, по мысли Канта, в том числе и чистое познание, начинается с опыта, даже если не все познание зависит от опыта. Таким образом, трансцендентальное рассуждение, если следовать гегелевской интерпретации кантовской идеи дедукции, характеризуется двойным движением: от опыта к тому, что делает опыт возможным, и от того, что делает опыт возможным, обратно к опыту. Условия возможности являются критерием эмпирического познания, опыт — это тот образец, который заставляет нас переосмотреть и улучшить наш взгляд на условия / нормы / формы возможности¹⁴.

Наконец, природа этих форм такова, что они способны сделать объективное познание возможным лишь постольку, поскольку они являются функциями синтеза «Я мыслю», склонностей саморефлективной, самокритической деятельности мышления. В свою очередь, саморефлективная деятельность мысли способна сделать возможным истинное познание лишь постольку, поскольку оно отнесено к опыту.

Соответственно, трансцендентальная дедукция имеет двойную скептическую задачу¹⁵.

¹⁴ Кант действительно согласен с Гегелем в том, что опыт «порождает» действие категорий, но Кант не считает, что мы пересматриваем или улучшаем наш взгляд на категории (как априорно возможные условия опыта) в свете того, какой опыт (который является апостериори) показывается нам (B 147, а также B 165; Кант, 2006, с. 221, а также с. 241 — 243). За это замечание я благодарна анонимному рецензенту.

¹⁵ Стэплфорд справедливо подчеркивает, что дебаты о трансцендентальных аргументах не позволяют уловить исходную кантовскую идею трансцендентализма и критической философии как научной формы скептицизма (Stapleford, 2008, p. 16, 25, 130). См. об этом также: (Ferrari, 2013, p. 255). В A 761 / B 789 Кант говорит, что «в вопросах чистого разума» первый шаг — догматический, второй шаг — скептический, а затем третий шаг, который и воплощает в себе первая «Критика», — это «критика разума». Хотя третий шаг уже не является скептическим в таком же смысле, как и второй шаг, который здесь обсуждает Кант, — см., напр. работу Майкла Форстера по дискуссиям Канта и Гегеля о скептицизме (Forster, 2008), а также полезную статью Форстера «Скептицизм» (Forster, 2021); можно утверждать, что кантовский подход повлиял на включение скептицизма в философию Гегеля

Transcendental reasoning, if we are prepared to follow Hegel's interpretation of Kant's idea of the deduction, is thus characterised by a double movement: from experience towards what makes experience possible, and from what makes experience possible back to experience. The possibility conditions are the criterion of experiential knowledge, experience is the instance that forces us to revise and improve our view about the possibility conditions/norms/forms.¹⁵

Finally, the nature of these forms is such that they are able to make objective knowledge possible only insofar as they are *functions of the synthesis of the I-think*, declinations of the self-reflexive, self-critical activity of thought. In turn, the self-reflexive activity of thought is able to make true knowledge possible only insofar as it is referred to experience.

Accordingly, the transcendental deduction has a double sceptical task.¹⁶ First, it is sceptical towards experience insofar as the catego-

¹⁵ Kant does agree with Hegel that experience “gives rise to” the operation of the categories, but Kant does not hold that we revise or improve our view of the categories (as *a priori* possibility conditions of experience) in the light of what experience (which is *a posteriori*) shows us (*KrV*, B 147 as well as B 165; Kant, 1998, p. 254 as well as pp. 263-264). I am grateful to an anonymous referee for this remark.

¹⁶ Stapleford (2008, pp. 16, 25, 130) rightly stresses that the debates on transcendental arguments fail to grasp the original Kantian idea of transcendentalism and critical philosophy as a scientific form of scepticism. See on this also Ferrari (2013, p. 255). In A 761 / B 789 Kant says that “in matters of pure reason”, the first step is dogmatic, the second step is sceptical, and then the third step, which the first *Critique* itself embodies, is “the criticism of reason”. Although the third step is no longer sceptical in the second-step sense that Kant is here discussing — see e.g. Michael Forster's work on Kant's and Hegel's discussions of scepticism (Forster, 2008) as well as Forster's helpful article “Scepticism” (Forster, 2021) — it can be argued that the Kantian approach influenced Hegel's incorporation of scepticism into philosophy (which, in Hegel, becomes dialectical and speculative philosophy and, as such, departs from Kant's original idea). See on this Ficara (2012; 2013). I thank an anonymous referee for the insights on the difference between the Kantian and the Hegelian approach to scepticism.

Во-первых, дедукция скептически относится к опыту, поскольку категории как функции я-мысли различают и критически упорядочивают многообразие, данное чувствам. Во-вторых, она скептически относится к самим категориям, поскольку связывает их употребление с тем, что дано в опыте. Нераздельность скептицизма и фундаментализма, уже присутствующая в дедукции Канта, становится существенной чертой рецепции дедукции в немецком идеализме и обнаруживается в идее Гегеля о диалектике как научном скептицизме. Идея Канта о двойной негативной необходимости условий возможности преобразуется у Гегеля в диалектическое двойное отрицание как собственно метод философского доказательства.

Благодарности. В этой статье рассматриваются значимые формальные и метафилософские моменты доклада, представленного мной на конференции по теме «Дедукция категорий в немецкой классической философии» в Бонне в 2017 г. За полезные замечания я благодарна Клаусу Дюзингу, Маркусу Габриэлю, Ларсу Хекенроту, Райнхарду Хильтшеру, Ирен Пелка, Райнеру Шеферу и участникам конференции. Я также глубоко признательна Михаилу Левину, Нине Дмитриевой и анонимному рецензенту за их чрезвычайно полезные комментарии к предыдущей версии этой статьи.

Список литературы

Гегель Г.В.Ф. Наука логики : в 3 т. М. : Мысль, 1972. Т. 3.

Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. ; ред. и сост. Д.А. Керимова, В.С. Нерсисянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М. : Мысль, 1990.

(из-за чего, по Гегелю, философия становится диалектической и спекулятивной и, как таковая, отходит от первоначальной идеи Канта). См. об этом: (Ficara, 2012; 2013). Я благодарю анонимного рецензента за уточнение разницы между кантовским и гегелевским подходами к скептицизму.

ries as functions of the I-think distinguish and critically order the manifold given to the senses. Second, it is sceptical towards the categories themselves, insofar as it binds their use back to what is given in experience. The inseparability of scepticism and foundationalism, which is already present in Kant's deduction, becomes an essential trait of the deduction's reception in German idealism and can be found in Hegel's idea of dialectics as scientific scepticism. Kant's idea of the double negative necessity of the possibility conditions becomes, in Hegel, dialectical double negation as the very method of philosophical proof.

Acknowledgements. *This paper deals with the formal and metaphilosophical implications of a paper I wrote and presented in German on occasion of the 2017 Bonn conference about "Die Kategorienduktion in der deutschen klassischen Philosophie". For helpful remarks I am grateful to Klaus Düsing, Marcus Gabriel, Lars Heckenroth, Rainhard Hiltcher, Irene Pelka, Rainer Schäfer and the participants in the Bonn conference. I am also very grateful to Michael Lewin, Nina Dmitrieva and to an anonymous referee for their extremely useful comments on a previous version of this paper.*

References

Allais, L., 2013. Kitcher on the Deduction. *Philosophy and Phenomenological Research*, 87(1), pp. 229-236.

Allison, H., 2015. *Kant's Transcendental Deduction*. Oxford: Oxford University Press.

Bauer, S.M., 2021. *Der Wahrheitsbegriff in Kants Transzendentalphilosophie*. Berlin & Boston: De Gruyter.

Baum, M., 1986. *Deduktion und Beweis in Kants Transzendentalphilosophie. Untersuchungen zur Kritik der reinen Vernunft*. Königstein: Hain.Chiodi, P., 1961. *La deduzione nell'opera di Kant*. Torino: Taylor.

De Vleeschauwer, H.J., 1934-1937. *La déduction transcendentale dans l'œuvre de Kant*. In 3 Volumes. Amsterdam: Martinus Nijhoff.

Düsing, K., 2013. *Subjektivität und Freiheit: Untersuchungen zum Idealismus von Kant bis Hegel*. Second Edition. Stuttgart Bad-Cannstatt: Frommann Holzboog.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 5–152.

Кант И. Критика чистого разума, 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Левин М.Р. Трансцендентальная философия как научно-исследовательская программа // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 93–126. doi:10.5922/0207-6918-2021-3-4.

Allais L. Kitcher on the Deduction // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2013. Vol. 87, № 1. P. 229–236.

Allison H. *Kant's Transcendental Deduction*. Oxford : Oxford University Press, 2015.

Bauer S.M. *Der Wahrheitsbegriff in Kants Transzendentalphilosophie*. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2021.

Baum M. *Deduktion und Beweis in Kants Transzendentalphilosophie: Untersuchungen zur Kritik der reinen Vernunft*. Königstein (Ts) : Hain Verlag bei Athenaum, 1986.

Chioldi P. *La deduzione nell'opera di Kant*. Torino : Taylor, 1961.

De Vleeschauwer H.J. *La déduction transcendentale dans l'œuvre de Kant* : in 3 vols. Amsterdam : Martinus Nijhoff, 1934–1937.

Düsing K. *Subjektivität und Freiheit: Untersuchungen zum Idealismus von Kant bis Hegel*. 2. Aufl. Stuttgart Bad-Cannstatt : Frommann Holzboog, 2013.

Erdmann B. *Kants Kritizismus in der ersten und zweiten Auflage der 'Kritik der reinen Vernunft'*. Leipzig : Voss, 1878.

Ferrari M. Book Review of *Kant's Transcendental Arguments. Disciplining Pure Reason*, by Scott Stapleford (2008) // *Kant-Studien*. 2013. Vol. 104, № 2. P. 254–256.

Ficara E. *Die Ontologie in der Kritik der reinen Vernunft*. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2006.

Ficara E. *Skeptizismus und Philosophie. Kant, Fichte, Hegel*. Sonderausgabe von Fichte-Studien / ed. by E. Ficara. Vol. 39. Leiden : Rodopi, 2012.

Ficara E. *Kant e il rapporto dello scetticismo con la filosofia* // *Akten des XI. Kant Kongresses* / ed. by S. Bacin, A. Ferrarin, C. La Rocca, M. Ruffing. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2013. P. 543–555.

Ficara E. *The Form of Truth. Hegel's Philosophical Logic*. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2021.

Forster M. *Kant and Skepticism*. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2008.

Forster M. *Skepticism* // *The Cambridge Kant Lexicon* / ed. by J. Wuerth. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. P. 404–407.

Erdmann, B., 1878. *Kants Kritizismus in der ersten und zweiten Auflage der 'Kritik der reinen Vernunft'*. Leipzig: Voss.

Ferrari, M., 2013. Book Review of *Kant's Transcendental Arguments. Disciplining Pure Reason*, by Scott Stapleford (2008). *Kant-Studien*, 104(2), pp. 254-256.

Ficara, E., 2006. *Die Ontologie in der Kritik der reinen Vernunft*. Würzburg: Königshausen & Neumann.

Ficara, E., 2021. *The Form of Truth. Hegel's Philosophical Logic*. Berlin & Boston: De Gruyter.

Ficara, E., ed. 2012. *Skeptizismus und Philosophie. Kant, Fichte, Hegel*. Sonderausgabe von Fichte-Studien, Vol. 39. Leiden: Rodopi.

Ficara, E., 2013. Kant e il rapporto dello scetticismo con la filosofia. In: S. Bacin, A. Ferrarin, C. La Rocca, M. Ruffing, eds. *Akten des XI. Kant Kongresses*. Berlin & New York: De Gruyter, pp. 543-555.

Forster, M., 2008. *Kant and Skepticism*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.

Forster, M., 2021. Skepticism. In: J. Wuerth, ed. 2021. *The Cambridge Kant Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 404-407.

Gadamer, H.-G., 1971. Die Idee der Hegelschen Logik. In: H.-G. Gadamer, 1971. *Hegel, Husserl, Heidegger*. Mohr: Tübingen, pp. 49-70.

Gadamer, H.-G., 1976. *Hegel's Dialectics. Five Hermeneutical Studies*. New Haven and London: Yale University Press.

Grundmann, T., 2003. Was ist eigentlich ein transzendentes Argument? In: A.K. Engelhard and D. Heidemann, eds. 2003. *Warum Kant heute?* Berlin-New York: de Gruyter, pp. 44-75.

Hegel, G.W.F., 1969. *Grundlinien der Philosophie des Rechts*. In: G.W.F. Hegel, 1969. *Werke in zwanzig Bänden. Theorie Werkausgabe*, Volume 7, edited by E. Moldenhauer and K.M. Michel. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Hegel, G.W.F., 2001. *Philosophy of Right*. Translation by S.W. Dyde. Ontario: Batoche Books Kitchener.

Hegel, G.W.F., 2010. *Science of Logic*. Translation by G. di Giovanni. Cambridge: Cambridge University Press.

Henrich, D., 1976. *Identität und Objektivität. Eine Untersuchung über Kants transzendente Deduktion*. Heidelberg: Winter.

Henrich, D., 1989. Kant's Notion of a Deduction and the Methodological Background of the First Critique. In: E. Förster, ed. 1989. *Kant's Transcendental Deductions*. Stanford: Stanford University Press, pp. 29-46.

Gadamer H.-G. Die Idee der Hegelschen Logik // Gadamer H.-G. Hegel, Husserl, Heidegger. Tübingen : Mohr, 1971. P. 49–70.

Gadamer H.-G. Hegel's Dialectics. Five Hermeneutical Studies. New Haven ; L. : Yale University Press, 1976.

Grundmann T. Was ist eigentlich ein transzendentes Argument? // Warum Kant heute? / ed. by A.K. Engelhard, D. Heidemann. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2003. S. 44–75.

Henrich D. Identität und Objektivität. Eine Untersuchung über Kants transzendente Deduktion. Heidelberg : Winter, 1976.

Henrich D. Kant's Notion of a Deduction and the Methodological Background of the First Critique // Kant's Transcendental Deductions / ed. by E. Förster. Stanford : Stanford University Press, 1989. P. 29–46.

Hiltscher R. Kants Begründung der Adäquationstheorie der Wahrheit in der transzendentalen Deduktion der Ausgabe B // Kant-Studien. 1993. Vol. 84, № 4. S. 426–447.

Horstmann R.-P. Hegels Ordnung der Dinge. Die Phänomenologie des Geistes als "transzendentalistisches" Argument für eine monistische Ontologie und seine erkenntnistheoretischen Implikationen // Hegel-Studien. 2006. Bd. 41. S. 9–50.

Houlgate S. Is Hegel's Phenomenology of Spirit an Essay in Transcendental Argument? // The Transcendental Turn / ed. by S. Gardner, M. Grist. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 173–194.

Kitcher P. Kant's Thinker. Oxford : Oxford University Press, 2011.

Laywine A. Kant's Transcendental Deduction. Oxford : Oxford University Press, 2020.

Lukács G. Der junge Hegel. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1973.

Moeller S. Kant's Tribunal of Reason. Legal Metaphor and Normativity in the Critique of Pure Reason. Cambridge : Cambridge University Press, 2020.

Pippin R. Finite and Absolute Idealism. The Transcendental and the Metaphysical Hegel // The Transcendental Turn / ed. by S. Gardner, M. Grist. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 159–172.

Priest G. The Logic of Paradox // Journal of Philosophical Logic. 1979. Vol. 8, № 1. P. 219–241.

Puder M. Kant-Stringenz und Ausdruck. Freiburg : Rombach, 1974.

Schäfer R. Das bipolare Ich. Analytische und synthetische Einheit der Apperzeption in Kants Kategorienduktion // Die Begründung der Philosophie im Deutschen Idealismus / hrsg. von E. Ficara. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2011. S. 245–272.

Hiltscher, R., 1993. Kants Begründung der Adäquationstheorie der Wahrheit in der transzendentalen Deduktion der Ausgabe B. *Kant-Studien*, 84(4), pp. 426-447.

Horstmann, R.P., 2006. Hegels Ordnung der Dinge. Die *Phänomenologie des Geistes* als "transzendentalistisches" Argument für eine monistische Ontologie und seine erkenntnistheoretischen Implikationen. *Hegel-Studien*, 41, pp. 9-50.

Houlgate, S., 2015. Is Hegel's *Phenomenology of Spirit* an Essay in Transcendental Argument? In: S. Gardner and M. Grist, eds. 2015. *The Transcendental Turn*. Oxford: Oxford University Press, pp. 173-194.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2004. *Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science*. Translated by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press.

Kitcher, P., 2011. *Kant's Thinker*. Oxford: Oxford University Press.

Laywine, A., 2020. *Kant's Transcendental Deduction*. Oxford: Oxford University Press.

Lewin, M., 2021. Transcendental Philosophy as a Scientific Research Programme. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 93-126. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-4>.

Lukács, G., 1973. *Der junge Hegel*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Moeller, S., 2020. *Kant's Tribunal of Reason. Legal Metaphor and Normativity in the Critique of Pure Reason*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pippin, R., 2015. Finite and Absolute Idealism. The Transcendental and the Metaphysical Hegel. In: S. Gardner and M. Grist, eds. 2015. *The Transcendental Turn*. Oxford: Oxford University Press, pp. 159-172.

Priest, G., 1979. The Logic of Paradox. *Journal of Philosophical Logic*, 8(1), pp. 219-241.

Puder, M., 1974. *Stringenz und Ausdruck*. Freiburg: Rombach.

Schäfer, R., 2011. Das bi-polare Ich. Analytische und synthetische Einheit der Apperzeption in Kants Kategorienduktion. In: E. Ficara, ed. 2011. *Die Begründung der Philosophie im Deutschen Idealismus*. Würzburg: Königshausen & Neumann, pp. 245–272.

Stapleford, S., 2008. *Kant's Transcendental Arguments. Disciplining Pure Reason*. London & New York: Continuum.

Stapleford S. Kant's Transcendental Arguments. Disciplining Pure Reason. L. ; N.Y. : Continuum, 2008.

Stekeler-Weithofer P. Hegels Analytische Philosophie. Die Wissenschaft der Logik als kritische Theorie der Bedeutung. Paderborn : Schöningh, 1992.

Westphal K. Kant's Transcendental Deduction of the Categories: Critical Re-Examination, Elucidation and Corroboration. Helsinki : Helsinki University Press, 2021.

Об авторе

Элена Фикара, доктор философии, Падерборнский университет, Германия.

E-mail: elena.ficara@upb.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3116-2139>

О переводчике

Дарья Дмитриевна Дятлова, магистр философии, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: daryadyatlova96@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4522-9901>

Для цитирования:

Фикара Э. Трансцендентальная дедукция категорий как философское доказательство // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 3. С. 74–96.

doi:10.5922/0207-6918-2023-3-4

© Фикара Э., 2023.

Stekeler-Weithofer, P., 1992. *Hegels Analytische Philosophie. Die Wissenschaft der Logik als kritische Theorie der Bedeutung*. Paderborn: Schöningh.

Westphal, K., 2021. *Kant's Transcendental Deduction of the Categories: Critical Re-Examination, Elucidation & Corroboration*. Helsinki: Helsinki University Press.

The author

PD Dr Elena Ficara, Paderborn University, Germany.

E-Mail: elena.ficara@upb.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3116-2139>

To cite this article:

Ficara, E., 2023. The Transcendental Deduction of Categories as Philosophical Proof. *Kantian Journal*, 42(3), pp. 74-96.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-3-4>

© Ficara E., 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))